

Психосексуальная теория галлюцинаций и алгогаллюциноз.

Д-р И. Б. Галант. (Москва).

Учение об алгогаллюцинозе тесно связано или, вернее, основывается на психосексуальной теории галлюцинаций и, прежде чем говорить об алгогаллюцинозе, надо познакомиться с этой новой теорией галлюцинаций.

До сих пор галлюцинация рассматривалась как элементарный патофизиологический феномен, и соответственно этому определение галлюцинации сводилось к тому, что мы имеем при галлюцинации дело с восприятием, возникающим без соответствующего раздражения органов чувств извне. При такого рода определении галлюцинаций психопатолог остается в абсолютной неизвестности, почему галлюцинации имеют своим содержанием иногда элементарные звуки, шумы или другого рода элементарные ощущения (*т. н. элементарные галлюцинации*), другой же раз галлюцинации имеют своим содержанием весьма сложные психизмы, начиная с сложных оптических и многосодержательных слуховых галлюцинаций и кончая *галлюциномозом*, при котором галлюцинируют несколько или даже все органы чувств одновременно, так что больной галлюцинирует не элементарные какие-нибудь ощущения, а целые события, чуть ли не „целую жизнь“. Как объяснить психическое содержание галлюцинаций?

Надо сказать, что попытки объяснить галлюцинации психопатологически существовали давно, и некоторые авторы усматривали в галлюцинациях „идею, проецированную наружу“ (Lelut). Однако эту идею об „идее, проецированной наружу“ ни Lelut, ни кто другой после него не развивал.

Чтобы понять галлюцинации психопатологически, надо прежде всего выяснить, что способно в психической сфере зарядить органы чувств такого рода энергией, что они, так сказать, *творят восприятия*, в то время как они обычно способны только воспринимать существующие во внешнем мире предметы. Способность „творить восприятия“ или галлюцинировать тесно связана, как легко клинически установить, с эмоциональной сферой. Эмоционально тулые, ступорозные кататоники никогда не галлюцинируют, так как у них нет нужной для этого потенциальной энергии эмоций. Более того, легко установить, что в процессе галлюцинирования обнаруживается обычно несравненно больше эмоциональной живости и аффективной страсти, чем при многих других нормальных и ненормальных психических процессах; нередко галлюцинации сопровождаются сильнейшими взрывами психомоторного возбуждения и различного рода импульсивными действиями и поступками, небезопасными для самого больного и для окружающих.

Все это нас заставляет глубоко задуматься, как понимать насыщенность галлюцинаторной атмосферы бурными аффектами и страстными порывами? что вызывает страстные порывы, сопровождающие галлюцинации?

Мы прежде всего подумаем о мире наших инстинктов, как о том мире, где бурная аффективность и импульсивность больше всего властствуют и где человеку чаще всего приходится бороться с непобедимыми страстью, стоящими нередко в противоречии с его мировоззрением и нравственными его взглядами и ощущениями. Не есть ли галлюцинация про-

явление этого мира инстинктов и не этим ли объясняется бурность и не-
отразимо импульсивная повелительность галлюцинаций?

Когда мы говорим о мире инстинктов у человека, мы имеем в виду прежде всего, и почти что исключительно, сексуальные инстинкты. Только сексуальные инстинкты встречают у большинства людей различного рода препоны и преграды к их выполнению, особенно когда мы имеем дело с сексуальными извращениями; они главным образом, порождают в человеке тяжелые конфликты, ведущие весьма часто к тяжелым психическим заболеваниям. Культура всячески способствовала легкому удовлетворению инстинкта голода, инстинкта движения, свободы, самосохранения и т. д., разрядив, таким образом, эти инстинкты, но ничего не смогла сделать для удовлетворения половых инстинктов человека, которые она, наоборот, старалась всячески держать в известных границах, укротить и даже совсем подавить, что вызывает различные конфликты между личностью и обществом, между разумным „я“ и половой сферой самой личности.

Но в этом виновата не столько культура, сколько половой инстинкт человека сам по себе, инстинкт, отличающийся, особенно в извращенных своих проявлениях, зверскими, что ли, свойствами. Взять к примеру такие извращения как мазохизм и садизм, которые не останавливаются перед всякого рода преступлениями, вплоть до зверского убийства; или педерастию, содомию и т. д. Вероятно, тяжело преступный характер сексуальности человека повел к тому, что религия, мораль и культура заклеймили сексуальный инстинкт как „бесовское отродье“, загнали его окончательно в подполье, способствуя лишь тому, что половой инстинкт, как подпольный инстинкт, разжигался лишь в отведенном ему аду на бесовской сковороде, приобретая действительно демонические свойства...

Возвратимся теперь к вопросу о галлюцинациях. Галлюцинация, образно выражаясь, имеет своей задачей осуществить в жизни то, чего в жизни (во внешнем мире) действительно нет. Зачем это нужно галлюцинанту? Галлюцинация тогда выступает в свои права, когда другой способ осуществить неосуществимое не предоставляется. Предположим, мы имеем перед собою тяжелого алголаника, который может удовлетворить свой извращенный половой инстинкт не иначе, как убивая субъект своей похоти. Но как ни одержим этот алголаник своей страстью, голос разума еще достаточно громко говорит в нем, или он не имеет достаточно воли, чтобы совершить убийство. Вот в таких случаях при известном психопатическом предрасположении и появляется галлюцинация. Что стоит убить галлюцинаторно человека? Принимая во внимание, что галлюцинации нередко живой живой действительности, галлюцинант в своих галлюцинациях способен удовлетворить свою преступную страсть, избегая столкновения с правосудием и лишь только наполовину обидев недремлющие в нем моральные ощущения. Я говорю наполовину, ибо галлюцинант не может себе простить преступные свои галлюцинации, борется с ними, желая препятствовать их появлению. В связи отчасти с этой борьбой обнаруживается в галлюцинаторном приступе тот бурный аффект, про который мы уже говорили раньше.

Из того обстоятельства, что галлюцинация сопровождается сильными эмоциями и даже бурными аффектами мы заключили, что вероятнее всего галлюцинация есть выражение болезненно выраженной инстинктив-

ной жизни или точнее болезненной сексуальности галлюцианта. Это мое предположение мне удалось доказать на одной б-ой, которая, находясь в состоянии ремиссии, начала галлюцинировать, когда я у нее искусственно вызвал сексуальное возбуждение¹⁾. Галлюцинация появилась тогда, когда сексуальное напряжение должно было разрядиться. Далее мне удалось установить, что галлюцинаторные приступы вообще совпадают с сильными половыми возбуждениями больных. Итак, галлюцинация служит для удовлетворения сексуального желания, когда такое удовлетворение естественным путем невозможно. Отсюда учение о галлюцинации-желании или Wunschhalluzination.

Таким образом галлюцинация есть, психологически выражаясь, не представление и не идея, а страстное желание, страстное сексуальное желание; точнее говоря, галлюцинация есть осуществление страстного сексуального желания.

Но мы уже знаем, что не всякое сексуальное желание прибегает для своего удовлетворения к галлюцинации. Галлюцинация делается главным образом нужной тогда, когда дело идет о бессознательных сексуально-алголанических желаниях. Алголанические желания прибегают для своего осуществления к галлюцинациям потому, что алголанические желания, как мы это указывали, труднее всего осуществимы в жизни и галлюцинации заменяют настоящие алголанические акты.

Галлюцинации, будучи выражением бессознательных сексуально-алголанических желаний, могут осуществить эти желания лишь так, что они для галлюцианта в процессе галлюцинаторного воплощения остаются, тем не менее, бессознательными. Вследствие этого галлюцинации при своем осуществлении пользуются следующими механизмами:

1. Осуществление сексуального желания совершается при помощи символов, маскирующих настоящий смысл галлюцинаций.

2. Все маскирующие механизмы, встречающиеся в снах, легко констатировать и в галлюцинациях, а именно: смещение, (Verschiebung), уплотнение (Verdichtung), сверхдетерминирование (Ueberdeterminierung), превращение в противоположение, (Verkehrung ins Gegenteil), смешанные образования (Mischgebielde), замена (Vertauschung), аппозиция и т. д.

3. Элементарные дименсиональные условия времени, пространства и места, в которых совершаются галлюцинаторные события, как во сне, не соблюдаются. Галлюциант слышит голоса находящихся на тысячи километров от него лиц, видит скелеты и трупы, хотя великолепно знает, что находится в больнице, а не в анатомическом театре, приурочивает к ночным часам то, что совершается днем, галлюцинирует змей, всяких хищных животных, как будто бы находился в зоологическом музее или где-нибудь в джунглях и т. д. Одним словом, для галлюцианта обычные преграды места, времени и пространства не существуют: он везде-сущ, всемогущ, глубоко проницателен: он видит и слышит бога, он на небе также у себя дома, как на земле, дружит или воюет с бесом и дьяволом, совершает путешествия в ад и в рай, не чувствуя себя стесненным в средствах передвижения.

4. В галлюцинациях, являющихся воплощениями сексуальных желаний, сексуальный инстинкт получает при сильном израсходовании

¹⁾ См. Галант. Alcohollucinosis. Verlag Hirschwald. Berlin. 1920.

аффектов удовлетворение, после чего наступает сексуальное разряжение или разрешение, и галлюцинации исчезают.

Я не могу здесь подробно останавливаться на разборе всех механизмов галлюцинаторного процесса, однако, посвяту несколько слов символике алголанических галлюцинаций, как самой яркой, характерной черте галлюцинаций. Символы галлюцинаций—характерные алголанические символы, значение и смысл которых нередко весьма ясен, хотя он самому галлюцинанту остается совершенно скрытым. Больной, поскольку его галлюцинации чисто алголанические, если он галлюцинирует голоса, об одном только и слышит—о смерти, своей или чужой, о покушении на самоубийство, осуждении на смертную казнь и т. д., выражая таким образом символически алголаническое желание своей или чужой смерти, своих или чужих мук. Знакомые больному голоса, а иногда и незнакомые, осуждают преступную жизнь больного, и говорят ему, что если он в ближайшее время не покончит самоубийством—его убьют, повесят, застрелят и т. д. Галлюцинации до того живы и повелительны, что больные очень часто пекутся на самоубийство или объявляют в унисон с подсказывающими голосами голодовку, чтобы таким образом избежнуть неминуемого наказания. Или же голоса императивно приказывают больному убить кого-нибудь из близких любимых им лиц, и больной бросается убивать первого встречного, галлюцинируя в нем субъект своей страсти. Больные так и рвутся в смерть и подлежат строгому надзору в виду постоянных их попыток, следя приказаниям голосов, покончить самоубийством или убить кого-нибудь.

Не менее устрашающи и галлюцинации зрения. Больные видят скелеты, которые мучают их своим прикосновением и не дают им покоя; они видят окровавленные трупы, то в саванах, то голые. Они видят смерть с косой на плечах, видят своих палачей, различных хищных животных, которые все являются сексуальными символами. Сенэстетические галлюцинации или галлюцинации телесных ощущений и внутритробные галлюцинации—характерные алголанические символы. Черви, как символ смерти, водятся у больного в животе, он чувствует, как змея гложет его сердце, и испытывает при этом приятную сладость; ему кажется, что змеи должны у него выйти через задний проход; змея хочет еще пробурять брюшную стенку и выйти наружу. Все эти галлюцинации сопровождаются сильным аффектом страха, они особенно мучительны для больного и благодаря этому безупречно выполняют свою задачу доставления больному острого алголанического сладострастия.

Вкусовые и обонятельные галлюцинации алголанического характера тоже нередкое явление. Б-ой чувствует в пище различные яды или неприятные вкусы и запахи: резины, чужих выдыханий, испражнений и т. д. Все эти галлюцинации мучат больного и сами проходят, после того как алголаническая страсть получила свое удовлетворение.

Больной в галлюцинациях оказывается больше мазохистом, чем садистом. Но и в садистических галлюцинациях нет у них недостатка. Часто больные по приказанию голосов рвут на куски рубашку, простыню, одеяло, наволочки и другие постельные принадлежности. Делается это иногда для того, чтобы вить веревку и повеситься. Другой же раз этот акт уничтожения белля носит более глубокий символический характер. Простыня, платочек, рубаха символизируют любимое лицо, субъект по-

ловой страсти, который они мучают и терзают. Эта символика—общеизвестная символика фетишизма.

Очень часты зрительные галлюцинации змей. Б-ой видит змей, ползущих вдоль стен и не причиняющих больному вреда. Иногда они сово-купляются на глазах больного. Змеи—сексуальный символ, самый древний из этого рода символов, т. к. по библейскому сказанию хитрая змея первая умело посвятила человека в половую вопрос, плодом чего и было успешное размножение людей. Змея еще к тому алголанический символ, т. к. это смертоносное животное привело людей к грехопадению и ко всем с ним связанным несчастьям вплоть до смерти. Особенно красиво выразился символизм змеи в галлюцинации, где змея гложет сердце больного. Кто не знает, что в народе именуют женщину в похвальном или порицательном смысле змеей, а иногда говорят о ней, как о змее, которая гложет сердце мужчины и губит его.

Познакомившись с психосексуальной алголанической теорией галлюцинаций, нам легко будет понять, что представляет собой болезнь: алголанический галлюциноз или аллогаллюциноз. Аллогаллюциноз есть заболевание психосексуальной сферы у лиц, страдающих тяжелым алголаническим извращением сексуальности. Болезнь протекает хронически, галлюцинаторными приступами с более или менее продолжительными ремиссиями между отдельными приступами. Галлюцинаторный приступ служит для удовлетворения пробуждающейся время от времени алголанической страсти, которая иным путем, чем галлюцинаторно, не удовлетворима. Сматря по тому, в какой степени, с какой силой и как часто аллогаллюцинант обуревает своей страстью, отдельные галлюцинаторные приступы отличаются вполне определенной интенсивностью, продолжительностью и частотой повторяемости. Отдельный приступ продолжается от нескольких дней до нескольких месяцев, а ремиссии между приступами колеблются в пределах от нескольких недель, месяцев до нескольких лет.

Как все другие галлюцины (острый галлюциноз Wernicke, интоксикационные галлюцины, острый алкогольный галлюциноз и т. д.) аллогаллюциноз отличается тем, что при нем серьезные расстройства мышления, способности суждения, ориентировки и вообще интеллектуальных способностей не отмечаются. Даже в самый острый период галлюцинаторного приступа, когда у б-го под влиянием интенсивных галлюцинаций появляется некоторая спутанность и симптомы, напоминающие шизофренические (как-то диссоциация, стереотипии, импульсивность и т. д.), б-ой, если удается фиксировать его внимание и отвлечь его от галлюцинаций, оказывается хорошо ориентированным, понимает свое положение и окружающую среду, способен правильно рассуждать, хотя и отсутствует критическое отношение к галлюцинациям, так что в общем можно говорить о том, что Bonhöffer называет besonnenes Delirium или „разумная спутанность“. От реальности же галлюцинаций аллогаллюцинант не может отказаться по той простой причине, что они служат для удовлетворения самого для него необходимого—алголанической страсти. Отказаться от реальности галлюцинаций значило бы для б-го отказаться от своей алголании, что для него абсолютно невозможно.

В ремиссиях у аллогаллюцинанта галлюцинации отсутствуют. Однако, в виду того, что во время галлюцинаторного приступа б-ые тратят

весь свой запас аффектов и сильно истощаются вследствие бессонницы, психомоторных возбуждений, неправильного питания и т. д., они остаются в постели и производят впечатление вялых, апатичных, преутомленно-аутистических больных, что дает иногда место думать о „шизофренизме“ б-ых. Между тем тут никакого шизофренического процесса нет. Наоборот, больные понемногу начинают поправляться и приходить в себя. Они прибавляют в весе, веселеют, делаются общительнее, приобретают новые запасы аффекта и производят впечатление совершенно нормальных людей, пока не пробуждается вновь к жизни губительная страсть и не ввергает б-го в новый алгогаллюцинаторный приступ. Алгогаллюцинаторный приступ начинается обычно бессонницей, она в первое время главный и почти единственный предвестник наступающего приступа. Скоро замечается перемена в общем поведении б-го: степенный, сдержанный, весьма корректный больной делается вдруг развязным, суетливым, а скоро сильно возбужденным, импульсивным, что совпадает с первым появлением галлюцинаций.

Алгогаллюциноз обычно к слабоумию не ведет. Если, однако, алгогаллюцинозом заболевает от природы интеллектуально слабый, психически недостаточно развитой субъект, то алгогаллюциноз может усилить психическую слабость б-го вплоть до быстрого ослабоумления.

Алгогаллюциноз болезнь молодого возраста и совпадает часто с периодом сексуального созревания. Это вполне понятно: когда болезненная сексуальность, так сказать, оформилась, и приобретает энергию и страстные порывы молодой развивающейся жизни, тогда эти болезненные страстные порывы, поскольку они носят характер больной алголанической страсти, выливаются при известных патологических условиях в алгогаллюциноз. Самый молодой мне известный случай алгогаллюциноза — семнадцатилетней девицы Элисса, описанный мной в 1920 г. в моей книге: „Alcohollusinosis“. Так как болезнь протекает хронически и тянется долгие годы, то она встречается и в среднем возрасте. Болезнь больше всего падает на возраст между 17 и 35 годами. Самый старый по возрасту случай алгогаллюциноза, который я наблюдал, был с сорокалетним мужчиной.

Поскольку я раньше ничего не сказал о бредовых идеях у алгогаллюцинантов, отмечу здесь, что они при алгогаллюцинозе не играют никакой роли и очень часто совершенно отсутствуют. Если они имеются, то они представляют собой вторичные явления, развившиеся на почве галлюцинаций. Бредовые идеи алгогаллюцинантов не обладают той специфической энергией, которой обладают бредовые идеи шизофреников или параноиков, и их можно было бы назвать abortивными бредовыми идеями. Иногда „бредовые“ эти идеи служат больному исключительно для того, чтобы объяснить происхождение его галлюцинаций, и можно говорить не столько о бредовых идеях, сколько о неудачных попытках объяснить загадочный для б-го феномен галлюцинаций.

Не все алголаники заболевают алгогаллюцинозом. Алгогаллюциноз возникает на конституциональной почве у лиц дегенеративно-психопатических, особенно предрасположенных к душевным заболеваниям. Обычно отмечается у алгогаллюцинантов и большая наследственная отягченность.

Лечение алгогаллюциноза сводится во время галлюцинаторного приступа к бдительному надзору и лечебным мерам, которые должны умен-

рить и, по возможности, устраниТЬ истощающие больного бессонницу и психомоторное возбуждение. Продолжительные ванны, пеленания, снотворные средства в таких случаях особенно уместны. Поскольку больной недостаточно питается или совершенно отказывается от пищи, приходится его кормить через зонд. В общем же лечение должно производиться индивидуально и симптоматически. Во время ремиссий больной нуждается в усиленном питании и в психотерапии, которая в некоторых случаях может дать положительные результаты.

Надо еще отметить, что алгогаллюциноз сравнительно чаще встречается у женщин, чем у мужчин. Это объясняется тем, что у женщин сексуальная жизнь обычно интенсивнее, чем у мужчин, и огромное большинство сильных эмоциональных переживаний женщины падает на психосексуальную ее сферу.

Мне остается еще подкрепить теоретические данные об алгогаллюцинации живыми примерами из повседневной нашей психиатрической практики, и я очень рад, что могу привести следующий весьма показательный случай.

Учитель Д. Т. 34 лет, холост. Доставлен 9. V. 1928 г. милицией в Смоленскую психобольницу, Гедеоновка. При приеме в б-цу жалуется на навязчивые идеи. Б-ой в месте и времени ориентируется. Выражает желание подвергнуться гипнозу. 13 мая б-ой написал следующую автобиографию.

13 мая б-ой написал следующую автобиографию.

«Дмитрий Трофимович С., житель города Стародуба, Брянской губ., сын народного учителя. Отец до женитьбы учитывался в селе, а затем был переведен в одну из школ города С. (кажется, называлась церковно-приходской). Отец был очень популярным лицом в С., любим всеми, также и рабочими, крестьянами и евреями. Отец умер, когда мне было 3 года, я его не помню, но по рассказам и по воспоминаниям его современников, личность отца представляется мне очень светлой. После смерти отца осталось 5 душ детей малолетних. Тяжело пришлось матери: пенсии мать получала, кажется, рублей 90 в год, а может быть и меньше. Но у матери было 12 десятин земли, которые отдавались со спона, т. е. мать получала третью часть всего урожая. Жили мы бедно, и если бы не бесплатное обучение в гимназии, то наша семья не получила бы среднего образования. Нас освободили, как детей учителя, от платы за правоучение. Родился я в 1894 г.. Рос мальчиком застенчивым и забитым. До поступления в гимназию, я почти nowhere не выходил. Учился плохо, часто оставался на второй год, и дело дошло до того, что из седьмого класса мне грозило увольнение. Тогда стараньями своего брата, который был студентом, я перевелся в другую гимназию. Окончил гимназию в январе 1916 г.. Был объявлен досрочный выпуск в январе для желающих поступить на военную службу. Скудное материальное положение, а также надежда, что меня по физическим недостаткам на военную службу не примут, и побудили меня держать экзамен в январе месяце. Несмотря на физические недостатки, на военную службу приняли. Служил долгое время солдатом, а затем отправили в Александровское военное училище — в Москве. По окончании училища, меня, за неимением свидетельства о политической благонадежности, в прапорщики не произвели, а отправили с красной повязкой на рукаве шинели в полк (кажется, в 104-й в Москве). Жить в полку не то офицером, не то солдатом нам не нравилось, и мы отправились в числе четырех человек (прикомандированных к полку за неимением политической благонадежности) к московскому градоначальнику за советом, — как быть. Градоначальник разрешил вопрос просто — напишите, говорит, заявление с указанием вымышленного адреса г. Москвы, где вы будто бы проживаете. Вскоре нас вызвали в училище для выдачи офицерского обмундирования. В это время уже началась февральская революция. Когда было повальное бегство с военной службы, убежал и я, и жил все время дома. В различных политических перетасовках, которые пережила наша страна, не участвовал и старался избегать.

Моя болезнь. Природой одарен крайней впечатительностью. Два события в детстве повлияли на меня. Лет 11-ти брат Яков рассказал мне о случае, который он прочитал в газетах. Дело было зимой. Похоронили заживопогребенного в летаргии, но т. к. засыпанные комья мерзлой земли пропускали воздух, то про-

будившийся жил в гробу, метался, кричал, рычал и, когда открыли крышку гроба, то увидели умершего лежащим лицом в подушке в крови. Этот рассказ так на меня действовал, что я заболел (это одиннадцать лет) — по ночам не спал, дремал, обхватывая каганку в постели руками и не сплю, сильно боялся за себя и за других очутиться в таком положении. Второе событие отразилось не так сильно, но произвело впечатление. У матери был лес, который она по частям продавала. Раз один крестьянин зашел и, не торговавшись, дал запрошенную сумму. Он мне показался таким забитым и жалким, что у меня защемило сердце. После этого, переболев самостоятельно, я увлекся гадостью — онанизмом, который является отводом от страданий впечатлительности. Появлялись навязчивые мысли, с которыми я боролся всеми силами своей души, но победить которые мне не удалось и до сих пор. Благодаря этому чувствовал себя на задворках жизни и развел в себе склонность к самоубийству. Какого рода эти мысли, сейчас никак не объясню себе. Кажется, что они не имеют конца. „Только прогонишь одну, а в сердце впилась другая“. Хочешь развиваться, безумно любишь жизнь во всех ее формах и проявлениях, а черные мысли не дают покоя. Станешь работать, перебиваются рабочее настроение, нарушают логический ход мыслей. Самое жестокое наказание мыслю для себя — заживо похоронить и положить кислородную подушку. Свирепее нет в мире наказания. Мысли у меня часто текут правильно, логично, но станешь излагать на бумаге — и не получается той яркости представлений и впечатлений. Я слишком много, повидимому, требую от себя. Но развиваться нужно. Жизнь в том и заключается, чтобы развиваться в материальном, моральном и интеллектуальном отношении. Жизнь это развитие. Надо сознать свои недостатки, представить ярко их себе и начать жестоко с ними борьбу. Меня смущает форма моей черепной коробки. Видимо, процесс кровообращения протекает в мозгу не нормально, чем отчасти вызываются навязчивые мысли. Форма моего черепа и ранее меня интересовала. Во сне часто слышу концерты, вижу различные виды. Видел во сне заживопогребенного и слышал оттуда раздающиеся рычания. Раз видел во сне проходящий цыганский табор и слышал дивные цыганские напевы. За последнее время особенно действовала на меня статья в «Известиях» № 49 за 1928 г. «Об одной беззубой девице», где говорится о страданиях Анастасии Чайковской, дочери Николая II. Страдания людей меня трогают. Страдания Анастасии Чайковской без сомнения от дьявола. Кто из людей так может издеваться над человеком перед его расстрелом. Ведь даже в революционное время пьяные палачи отказывались вешать преступников. Это без сомнения садизм, что-то сверхнормальное. Ну расстреляй, а зачем же мучить? Значит это доставляет кому-то удовольствие. Так ты лечись».

Важно привести еще следующий документ б-го, который он по просьбе врача написал, после того как он утверждал, что сексуальная жизнь человека стоит в центре психической его жизни и оказывает могучее влияние на всю его психику. «Почему я считаю половую жизнь центральным местом в смысле отражения на психику человека? Факты говорят и за, и против. С философией нужно покончить. А может быть ничего у меня нет — простая нервозность, при которой кажется, что и в половой сфере у тебя не то, и череп не тот и какие-то мысли, как будто бы не те. Нервозность больше ничего. Интересно, как вы пойдете с вашим копанием в мозгу человека. Ровно ничего вы там не понимаете, также как и я сам. И все понимаете, и ничего. Каждый судит о психике человека со своей колокольни. Но есть талантливые учения, которые могут отвлечься от себя и воспринять психику другого. Ай, чепуха! Копаться все время в самом себе. Но нужно сознаться, что что-то у тебя ненормально. Все на месте, как следует быть, все нормально и больше ничего. Вы до истерики можете довести человека своими расспросами: и так, и не так, и да, и не то. Как человек будет реагировать на то и другое обстоятельство, Вы не знаете, потому что все знаете и ничего, и со стороны своей колокольни разглядываете человека. Обсудите сами, не расспрашивая меня больше ни о чем, и выведите заключение и мне скажите. Глупее нет бесконечных расспросов, ничего не дающих, потому что человек бывает в различных состояниях. Сегодня в одном состоянии, завтра в другом. Ну и безобразное Ваше занятие. Но гипноз всесилен».

Наследственность: Происходит из древнего рода С. Один из его предков Мартын С-тин был „войсковый товарищ“ в войске Богдана Хмельницкого. При Петре Великом были реформированы украинские войска и М. С. был переведен в оберофицерский российский чин и весь род перешел в дворянское сословие. Отец больного умер на 41 году жизни от туберкулеза легких; он много пил, но

алкоголиком не считался. Мать здоровая, ей 68 лет. Наблюдаются у нее старческие психические ненормальности. Братьев-сестер—7. 1 выкидыш (первая беременность матери, травма от неосторожности), 1 брат умер в малолетстве от скарлатины, другой погиб на войне. Из 4 сестер 1 умерла в малолетстве, другая от чахотки. 2 сестры живы и здоровы. Душ-больных в семействе не было. Дедушка со стороны отца был скотоводом, обеднел, т. к. гурт погиб. Бабушка со стороны отца отличалась большой религиозностью, была просвирницей. Ее братья были монахами на Афоне — Отец б-го снискал себе большую популярность; отличался, по словам б-го, здравомыслием, способностью произвести впечатление на людей и вызвать их симпатию.

Соматический статус. Левая ушная раковина деформирована и значительно меньше правой. Наружное ушное отверстие в левом ухе от рождения зарощено, так что б-ой совершенно глух на это ухо. Очевидно, этот дефект распространяется и на внутреннее ухо и, вероятно, на соответствующую часть мозга. Далее имеется у б-го некоторый прогнатизм, необыкновенно крепко развитая protuberantia occipitalis и небольшое углубление кости на темени — все деформации, которые были предметом долгих размышлений б-го о себе. Упомянем еще наличие у б-го значительного гипертрихоза.

По общей конституции своего тела б-ой приближается к стенопластическому, а может быть и субатлетическому (условно узкопостроенному) типу. Скорее узко, чем широко построен и высокого роста, б-ой не отличается ни особенной мускулистостью, ни бросающимся в глаза костяком. Значительная карies зубов, характерная более для астенического типа, заставляет нас думать, что мы имеем в данном случае дело с стенопластическим, а не с субатлетическим типом. Внутренние органы в пределах нормы. Сухожильные рефлексы живые, кожные и периостные рефлексы нормальны. Красный дермографизм. Расстройств чувствительности нет. Реакция зрачков на свет и на аккомодацию живая. При сгибании левой ноги в тазобедренном суставе — боли. (Симптом Lasegue'a. Ischias). Жалуется на боли в левой ноге.

Что касается *сексуальной жизни* б-го, то о ней б-ой мало пишет, хотя сам подчеркивает ее весьма важную роль, чуть ли не центрального фактора в жизни человека. Мы уже знаем, что б-ой начал онанировать на 12 году жизни. Поводом к онанизму послужили экстибиционистические акты товарища по школе. Он онанировал первое время часто и много — несколько раз в день, потом реже. Вред онанизма он опознал сейчас же, и таково его убеждение и по сей день. При ассоциативном эксперименте по Юнгу он на слово — раздражитель: «онанизм» отвечает: «вредно», а при репродукции — «безусловно вредно». Опознавши вред онанизма, б-ой начинает вести с ним борьбу. Борьба его с онанизмом безуспешна. Одно из главных средств этой борьбы — погоня за coitus'ом, который возмещал бы онанизм. Первый раз он имел сношения с женщинами на 18 году жизни. С тех пор он нередко имел сношения с проститутками или же с женщинами из круга его знакомства. В 1923 г., напр., он связался со знакомой учительницей, имел с ней в течение месяца ежедневно половые сношения, но потом порвал с ней, т. к. она начала симпатизировать другим мужчинам, его же принимала холодно. Кроме того, ходили об этой учительнице нелестные для нее слухи. Погоня за coitus'ом повела, конечно, к излечению от онанизма. Как только он не имел более или менее долгое время половых сношений, он снова предавался онанизму. Онанизм, не оставляя больше никогда б-го окончательно, не развел в нем нацизма, и мы констатируем у б-го не только не инверсию полового чувства, а наоборот сильное влечение к женскому полу. Б-ой подтверждает, что он очень легко поддается чарам женских прелестей, и он переживает сильное половое возбуждение при виде более или менее прилично, со вкусом одетой женщины. К тому же он сильный фетишист. Однажды он влюбился в жену соседа, после того как он однажды случайно видел оголенные ее по колена ноги. С тех пор он чувствовал сильное влечение к этой женщине, все мечтал о голых ее ногах и до безумия влюбился в нее. Он не мог больше выдержать мук любви и однажды вбежал к этой женщине на кухню с криком: „Доколе же мы будем скрывать друг от друга...“ Женщина посмотрела на него с удивленным испугом и сказала: „Что вы... Что скрывать...“ — и он попятился обратно.

Так живет наш б-ой в мире сексуальных приключений, которые держат его и без того крайне чувствительную и раздражительную нервную систему в состоянии раздражительного перенапряжения и усиливают нервную его слабость. Б-ой до сего дня не может вылечиться от своего страха, который и теперь принимает

ту же форму, что и 23 года тому назад, и б-ой проводит бессонные ночи в страхе быть заживо погребенным или мучимый другими страхами подобного же характера.

Будучи учителем, наш б-ой жил в одном дворе с секретарем сельсовета. Этот секретарь имел много врагов, и однажды вечером его застрелили в его доме. С тех пор на них б-ым овладел страх, что и его могут застрелить. Он не мог больше спокойно жить в селе и выполнять свои обязанности учителя, оставил службу и поехал обратно домой к матери. Здесь происходит последнее любовное приключение нашего б-го, повлекшее за собой его помещение в Гедеоновку.

Но прежде чем мы перейдем к изложению этого любовного приключения, надо еще прибавить несколько слов к общей характеристике сексуальности нашего б-го. Эта сексуальность безусловно болезненна. Она развивается под непосредственным влиянием онанизма и онанистического комплекса, причем нормальный coitus, которого добивается впоследствии наш б-ой, не есть самоцель, а средство вылечиться от онанизма! Это обстоятельство препятствовало тому, чтобы длительный онанизм способствовал развитию у нашего б-го нарцисма, сексуальной инверсии, гомосексуализма. С другой же стороны, его отношения к женскому полу не могут принять нормальный характер уже по одному тому, что они выросли из онанистического его комплекса.

Общий тон сексуальности нашего б-ого больше мазохистический, чем садистический. Мазохизм носит у нашего б-го прежде всего конституциональный характер. Он от природы мягок, чрезвычайно впечатлителен и чувствителен. Вспомним, как он уже в детстве при виде бедного мужика долго страдал от чувства жалости и переживал жестокие муки „альtruистической любви“. Основной мазохистический тон сексуальности нашего б-го усиливается благодаря онанизму. Это вечное самотерзание и безуспешная борьба с онанизмом, тесно связанные со сладострастным чувством при онанистическом акте, превращает это сладострастие в тяжело мазохистическое, а coitus, который как никак, а содержит в себе садистический момент, теряет для б-го привлекательную свою силу. Б-ой любит женщин почти исключительно фетишистически, а настоящее сексуальное удовлетворение он очевидно находит в онанизме, хотя и клеймит его как „безусловно вредно“ отзывающийся на здоровье.

В последнем любовном приключении б-го, к описанию которого мы теперь переходим, наряду с мазохистическим играет роль и садистический элемент. Это любовное приключение разыгралось следующим образом. Он влюбился в жену соседа землемера, проживающего в одном доме с ним. Любовь эту он называет „за стеночной любовью“. Дело в том, что, когда он видел любимую женщину, как она есть, в валенках и т. д., она его не возбуждала, мало трогала. Но стоит ему слышать ее пение „за стеной“, ее возню по хозяйству, ее шаги и т. д., и он сексуально сильно возбуждался до сильнейших эрекций, до болезненного ныття в сердце. Б-ой думает, что и любимая женщина симпатизировала ему, хотя он никогда не вступал с нею в разговор. Женщина эта рассказывала его матери, что муж ее с нею очень груб, агрессивен против нее и раз так ее хватнул за горло, что чуть не задушил. И вот наш рыцарь решил выступить защитником обиженной женщины. Однажды ночью он слышит в квартире соседа землемера, как щелкает наган. Он решил, что это землемер стреляет в свою жену, и решил спасти ее: мать с лампой послал вперед, сам толкнул дверь, ведущую в квартиру землемера, которая сейчас же поддалась, т. к. была заперта на одном только крючке. К большому удивлению нашего б-го в квартире землемера все оказалось в полном порядке. Землемер вышел ему навстречу с полным спокойствием, как будто ничего не случилось. Он должен был вернуться к себе, обманутый в своих надеждах уличить землемера в его преступных действиях против жены и оказать рыцарскую помощь субъекту своей страсти. Однако, в следующую ночь в 3 ч. он опять слышит стрельбу в квартире землемера. Он хватает лампу, бросается в дверь, ведущую к соседу, забаррикадированную теперь умывальником. Но и этот раз в квартире землемера темень, спокойствие, мертвая тишина. Он поражен, он в полном исступления. Какой кошмарный землемер. Как он удачно все маскирует. И, видя, как землемер с величавым спокойствием идет мимо него, он бросает на него горящую лампу в надежде, что он загорится и погибнет. А потом бросается за женой землемера, которая спасается с ребенком через окно. Землемер хватает б-го, прежде чем он успел нагнать его жену, и крепко держит. Б-ой кричит, вырывается. На его крик сбежались соседи, которые все держат сторону землемера. Б-го отправляют в б-цу.

Нет надобности подчеркивать, что мы имеем здесь у нашего б-го дело с галлюцинаторным приступом. Галлюцинации нашего б-го видимо

галлюцинации желания (Wunschhalluzinationen) алголанического характера. У б-го, по всей видимости, зародилось в подсознательной сфере желание, чтобы воображаемый им разрыв между землемером и его женой до того вырос, что их совместная жизнь сделается невозможной и тогда он получит возможность овладеть любимой женщиной. Его фантазия рисует ему различные насилия землемера над его женой, насилия, идущие вплоть до убийства, что не является невозможным, после того как землемер, по рассказам матери б-го, уже раз чуть не удушил свою жену. Эти фантазирования, мечты б-го превращаются скоро в живые галлюцинации, и б-ой слышит щелканье нагана, как знак того, что напряженное состояние между супругами достигло кульмиационной своей точки, и он скоро будет обладать объектом своей страсти. При этом пробуждается в нем и садистический его инстинкт, т. к. он помышляет о том, как бы радикальным образом отделаться навсегда от землемера, который, вероятно, станет ему на дороге при попытке завладеть его женой.

Толкование галлюцинаций нашего б-го, как сексуальных галлюцинаций-желаний алголанического характера напрашивается таким образом само собой. Болезненный галлюцинаторный процесс вырастает у б-го на почве его большой любви к жене землемера, которую он, по собственному выражению, любит „застеночной любовью“, любит совсем не телесно, а все же хотел бы обладать ею физически, после того как погубит ее мужа! Здесь мы имеем перед собой весьма утонченный садизм, каким мы его при алгогаллюцинозе нередко встречаем.

Алгогаллюцинаторный припадок нашего б-го начинается, как всегда при алгогаллюцинозе, бессонницей. Бессонные ночи, крайнее переутомление и впечатлительность органов чувств приготовляют почву для „реального“ осуществления алголанических желаний б-го в форме галлюцинаций.

Этот весьма характерный и оригинальный галлюцинаторный приступ нашего б-го продолжался недолго, т. к. он благодаря агрессивным поступкам б-го, подсказываемым ему галлюцинациями, купируется внешними обстоятельствами и дальнейшее течение болезни нашего пациента принимает несколько другое направление. Бессонница продолжается, галлюцинации, главным образомочные гипнагогические галлюцинации, у б-го не прекращаются. Однако, все это теряет свою связь с несчастной любовью к жене землемера и несколько теряет ту яркую алгогаллюцинаторную окраску, которую мы так ясно отметили в начале галлюцинаторного приступа. Однако, и теперь галлюцинации б-го несут выраженный мазохистически-садистический характер. Б-ой слышит, напр., как заживо погребенная женщина стонет в своем гробу, причем он так ясно и отчетливо слышит этот стон, что сам переживает весь ужас и всю боль этой женщины, сам стонет и горько плачет, переживая таким образом такую острую мазохистически-садистическую страсть, как ее при других реальных обстоятельствах никак переживать нельзя.

Настроение б-го в это время подавленное, причем легко констатировать у него недостаток аффективности, что стоит в связи с тем обстоятельством, что во время галлюцинаторного приступа тратится большой избыток аффекта. Бедность аффективных проявлений у нашего б-го не имеет таким образом ничего общего с „аффективным слабоумием“ или эмоциональной тупостью кататоников.

Алгогаллюциноз, как мы знаем, есть заболевание бессознательного, сексуальности и оставляет интеллектуальную сферу незатронутой. Это мы отмечаем и в нашем случае, где со стороны интеллекта отклонения от нормы не наблюдаются. Произведенное нами с больным экспериментально-психологическое исследование по методу Нечаева обнаружило у б-го интеллектуальную одаренность высшего типа. Ассоциативный эксперимент по Jung'у не обнаружил ни патологического замедления или ускорения ассоциативных процессов, никаких других патологических реакций.

Симптомы, которые могли бы вызвать подозрение, не имеется ли у нашего б-го шизофренический процесс, у б-го отсутствуют. Правда, легко отметить у б-го стремление „объяснять“ по своему психопатологические свои процессы. Бредовые же идеи в собственном смысле этого слова у б-го не имеются.

Достопримечательно в данном случае алгогаллюциноза то, что алгогаллюциноз развивается на почве тяжелой конституциональной психопатии. Первые явления дегенеративной психопатии нашего б-го развиваются на 11 году жизни и эти явления никогда больше не прекращаются окончательно, т. к. они временами делают снова свое появление то в более, то в менее интенсивной форме. Только на 34 году жизни развивается у нашего б-го первый приступ алгогаллюциноза. Дальнейшее течение болезни у нашего б-го, который хотя и медленно, но все же поправляется, трудно предсказать. При тяжело дегенеративной психоконституции нашего б-го в дальнейшем течении его болезни не исключены всякого рода неожиданные сюрпризы.

Из Ленинградского физио-терапевтического института. (Директор— С. А. Бруштейн).

К вопросу о физической терапии заболеваний щитовидной железы.

(По материалам Государственного Ленинградского физио-терапевтического Института).

И. М. Гинзберг.

В терапии базедовой болезни, базедовизма и простых струм до сих пор нет общего, всеми признанного подхода. Целый ряд клиник—хирургическая, терапевтическая, нервная и физио-терапевтическая—претендуют на известную роль в деле лечения этих заболеваний. Блестящие результаты хирургического лечения достаточно выявили ценность хирургического метода, но и сравнительно молодая физиотерапия, в особенности рентгено-терапия, сейчас усиленно привлекают внимание специалистов к разрешению этого вопроса. Таким образом, если благодаря накопившимся наблюдениям участие каждой из указанных клиник безусловно необходимо, то доля участия и место, которое принадлежит каждой из них, несмотря на большое количество работ по этому вопросу, еще до сих пор является проблемой дня. К разрешению этой проблемы может нас приблизить лишь дальнейшее накопление наблюдений над клиническим материалом. Вот почему представляется небезынтересным подвести